

ПРОЛОГ

Никогда бы не подумала, что умру вот так. Последние месяцы опасность нависала над моей головой все ниже, но длины цепких пальцев тьмы едва хватало, чтобы коснуться хотя бы макушки. Мама всегда говорила, что я родилась в рубашке. Выходит, природная броня меня все же подвела.

Я лежала на холодной земле посреди зимнего леса. Взгляд устремился вперед, впиваясь в ухмыляющееся лицо моего убийцы. Уголки его губ измазали темно-бордовые капли крови, которая еще недавно текла по моим венам. Он с чувством стер большим пальцем оставшуюся жидкость и потянулся к моему лицу.

— Попробуй.

Отдать жизнь ради любимого человека — не самая худшая смерть. Понимала ли я, что могу пожалеть о своем выборе? Безусловно. Но именно в эту минуту, когда я смотрела в сияющие синевой глаза, это казалось неважным. Почти невозможным в разрезе вечности. И именно поэтому я послушно слизнула кончиком языка каплю, наполнившую рот солоноватым привкусом, отдающим железом. Незамедлительно после этого тело охватила прожигающая изнутри агония. Пути назад больше не было.

Глава 1

ВСЕ С НУЛЯ

Приборная панель сообщала, что за окном больше тридцати градусов тепла. Типичное для конца августа пекло в Ростовской области растянулось на начало сентября. Старенькая «Лада» мамы гудела, сопротивляясь на скорости потокам воздуха. В салоне играла музыка, но из-за врывающегося через открытое окно ветра было невозможно разобрать слов песни. Непослушные пряди волос били по лицу и плечам. Сколько ни пыталась заправить за ухо — бесполезно. Все резинки, как назло, убрала в чемодан. Вот же дура! Знала ведь, что до аэропорта путь неблизкий, а на улице стоит такая жара.

Сегодня я «возвращаюсь к истокам», если можно так сказать. Железная птица за считанные часы отнесет меня в Новосибирск, и после непродолжительной тряски в поезде я окажусь в месте, где родилась семнадцать лет назад. Ксертонь — непримечательный городок, где дожди идут чаще, чем в других регионах России, а если верить Интернету, то солнечных дней здесь и вовсе меньше месяца в год. Окруженный кольцом из холмов и лесных чащ, он существовал самобытно. Из мнимой изоляции, лишенной ощутимого тепла и света, мама сбежала, не сойдясь в планах на будущее с моим биологическим отцом, когда мне не ис-

полнилось и года. Большую часть времени я росла в Ростове вместе с Марией, так и не приучившись называть родителей «мама» и «папа»: Костю я видела слишком мало, чтобы привыкнуть без многочисленных напоминаний произносить вслух «папа», а Мария радовалась сложившейся в семье традиции: когда она стояла рядом со мной, ее принимали за старшую сестру или подругу.

В Ксертоне я возвращалась каждое лето, проводя по целому месяцу у бабушки по отцовской линии, но в четырнадцать лет наконец заявила, что с меня хватит сажания картошки на даче, где в округе ни одного сверстника. Костя легко сдался и потому планировал последние три года совместный отпуск ближе к осени: в Турции или еще где потеплее. В этом году мы никуда не ехали, ведь на носу был выпускной класс и приходилось думать о запасном плане на случай, если не дотяну по баллам до места на бюджете. План «Б» обещал влететь в копеечку, и именно из-за него я и отправлялась в добровольную ссылку.

Не буду скрывать, решение далось нелегко, пусть и выписанные на листок в колонку плюсы учебы в Ксертоне значительно перевешивали минусы: передо мной гостеприимно раскрыла двери одна из лучших гимназий в Сибири, а если повезет, то и государственный институт.

По дороге в аэропорт ужас накатывал волнами, мерзким шепотом твердя, что новенькую едва ли легко встретят. Чем больше в гимназии учеников, тем меньше шансов на бюджетное место в институте. Несмотря на статус закрытой школы, учились здесь не только дети нефтяников из ближайших городов, но и стипендиаты, что блистали умом на олимпиадах по всей стране. Конкуренция такая, что не соскучишься. И вот я, настоящая белая ворона, которая и в общеобразовательной-то ростовской школе не смогла найти друзей, отправлялась в логово к голодным

волкам. Казалось, даже сидя в машине в другом городе, я чувствовала, как жжется между бровями ярко-алая мишень. Дула ксертоньских задир уже взведены и нацелены прямо мне в лоб.

Если терпеть насмешки и уворачиваться от издевательств я отчасти привыкла, то отношения с самим городом меня заочно пугали. Страшнее было не столько то, что Ксертонь могла отвергнуть, не дав и единого шанса, сколько возможное сходство с Марией: вдруг и из меня родное место вытянет последние светлые части, удушая одну мечту за другой? Было страшно, но риск стоил того, чтобы хотя бы попытаться.

Ростов-на-Дону с каждым пройденным автомобилем километром оставался позади. Город, где прошло мое детство, казался прекрасным местом, где дороги, за редким исключением, были ровными, а солнце приятно ласкало кожу. Жизнь кипела в Ростове круглосуточно, в то время как в Ксертони, насколько я помнила, все закрывалось хорошо если не раньше шести вечера.

— Ася. — Мама осторожно потянула меня за край рукава кардигана, когда приветливая женщина на стойке регистрации отдала посадочный талон. — Тебе не обязательно уезжать.

Я заглянула в почти идеальную копию собственных глаз. Единственное отличие — мамины были подчеркнуты паутиной тонких морщин в уголках от частых улыбок. Первое, что я всегда вспоминаю, думая о Марии, — это ее задорный звонкий смех. Я была точной копией женщины с темно-карими глазами и каштанового цвета волосами, вот только ее жизнелюбие и легкомыслие не передались мне вместе с генами.

Во взгляде матери легко улавливалась невысказанная мольба, от которой внутри у меня все сжималось. Каза-

лось, она волновалась куда больше, чем я сама, и от этого внутри становилось только хуже. Хотелось остаться здесь, в безопасной зоне, где каждый поворот давно осмотрен вдоль и поперек, а ноги знают все каверзные камешки, которые так и норовят застрять в подошве. Излюбленные места давно выбраны, а школьные злодеи приручены. Во всяком случае, до той степени, когда тебя в классе давно никто не задевает, если не лезешь на рожон. Мысль о новой школе внушала надежду на перемены, если не по среднему баллу в аттестате, то хотя бы по большему числу приятных людей вокруг. Вдруг никакой конкуренции и нет в стенах гимназии, а я лишь из страха себе надумываю? Могу я хотя бы выпускной класс провести, не отсиживаясь тихо на задней парте, а как нормальные ученики, строить планы на будущее, общаться и, быть может, даже влюбиться?

Мария знала обо всех моих проблемах, но едва ли могла что-то сделать. Одно время мы с мамой думали о том, чтобы мне перевестись в гимназию получше, но тратить с утра лишний час на дорогу казалось невозможным.

Мама всегда была нежной, ранимой женщиной, которая сама нуждалась в присмотре. Из нас двоих я всегда ощущала себя старше. Даже сейчас личные переживания меркли, стоило подумать, как Мария будет обходиться без меня, если в Ксертони все пойдет по плану: старшие классы, за ними бакалавриат и магистратура в Ксертонском государственном, работа — при таком раскладе скорым возвращением и не пахло.

Головой я понимала, что груз опеки осторожно снял с моего плеча новый муж мамы, и настало время мне строить будущее. Теперь Сашке следить, чтобы коммуналка была оплачена вовремя, в холодильнике к ужину нашлась еда, а в баке автомобиля — бензин. Но мудрое сердце будто

предчувствовало беду, хотя, возможно, я просто цеплялась перед лицом неизвестности за самый удобный уступ, лишь бы не нырнуть с головой в холодные воды.

— Все нормально, мам. Нельзя же подать документы в университет, который я в жизни не видела. Это на сайте он классный и навороченный, а как дело обстоит в реальности, пока не приедешь, толком не узнаешь. Вдруг у него не общежитие, а избушка на курьих ножках? — От упоминания излюбленного фольклорного строения губы мамы растянулись в тонкой улыбке. — Так будет лучше для всех. Тем более я правда хочу пожить в Ксертони. В конце концов, я там родилась. Да и Костя порадует. Будет время и программу подтянуть в местной гимназии, поспрашивать о факультетах в вузе. Понять, что к чему.

Последнее время я только и искала предлог, чтобы отказать от переезда. Неизвестность пугала, как и жизнь в городе, в котором мне не было места. Только мысль о возможностях ксертоньской гимназии успокаивала. Даже если институт не оправдает ожиданий, определенный бонус от аттестата в прогрессивной старшей школе, за места по стипендии в которой бились чуть ли не до первой крови, казался стоящим времени и сил. Я цеплялась за эту мысль так отчаянно и часто, что почти научилась укрощать страх.

— Передавай привет Косте.

— Конечно, мама.

— Мария, — поправила она, как делала всегда, стоило нам вместе выйти в люди.

Даже спустя семнадцать лет моя мать настаивала на том, чтобы я звала ее по имени. Когда-то давно Мария так будто старалась казаться моложе, боясь остаться одна с ребенком на руках, но даже сейчас, когда в жизни матери появился Сашка, она продолжала меня поправлять.

Я раскрыла объятия, и мама тут же в них погрузилась. От нее пахло земляничной жвачкой, летом и корицей. Запахами, которые всегда напоминали мне о доме.

— На новогодних праздниках увидимся, — уверяла она. — Но если почувствуешь, что программа слишком тяжела или с одноклассниками не уживешься, возвращайся. Полно времени окончить школу где-нибудь еще. Мы справимся. На бюджет куда-нибудь пусть попроще, да поступим.

Из мамы никудышная лгунья. В ее широко распахнутых глазах легко читались эмоции: я рисковала, переводясь в другую школу в начале одиннадцатого класса. Это билет в один конец. Либо получится, либо плакало мое счастливое будущее. Ни один директор в здравом уме не примет ученика посреди полугодия. Да и новый муж мамы наверняка уже начал обдумывать, во что переделать мою комнату: в тренажерный зал или игровую с консолью и большим плазменным телевизором?

Еще минуту я стояла с мамой, держась за руки, пока по громкоговорителю не объявили открытие гейта. В последний раз мама с чувством обняла меня, и я отправилась на посадку, чувствуя, что она провожает меня взглядом до дверей.

* * *

Четыре часа перелета из Ростова-на-Дону до Новосибирска, еще два на пригородном поезде до станции Большая Торана. Ни перелет, ни тряска в поезде не беспокоили меня так сильно, как перспектива провести час наедине в машине с Костей. Предметом наших извечных споров было то, что я почти никогда не называла его папой. В отличие от матери, он никогда не пытался откреститься от положенного звания, но, признаться честно, мешало мне

другое — слишком мало и непостоянно Костя был в моей жизни.

Первые годы после бегства Мария не позволяла мне видеться с отцом. Она растила меня вместе с бабушкой, перебиваясь на двух работах, пока однажды на пороге все-таки не объявился Костя. До сих пор не понимаю, как ему удалось тогда нас разыскать в чужом городе. Мария думала, что все дело в связях: хороший полицейский ими быстро обрастает, а со стремительным развитием карьеры Кости знакомые множились, как пирожки из бабкиной печки. В тот день мама с папой несколько часов проговорили на кухне, шепчась за закрытой дверью. Пару раз я на цыпочках прокрадывалась по коридору подслушать, но едва мне удавалось прикоснуться ухом к двери, как откуда ни возьмись появлялась бабушка. Словно провинившегося котенка, она отгоняла маленькую меня от двери, и вскоре я оставила тщетные попытки, вернувшись к просмотру «Тома и Джерри».

Когда родители появились в гостиной, лица их были серьезны. Мама и папа расселись на диване по обе стороны от меня. Мы много говорили в тот день, но я едва ли запомнила конкретные слова. Наиболее ярко в памяти запечатлелся момент, когда Костя, не находя подходящих фраз, пытался на пальцах объяснить, что он — мой отец, избегая не по возрасту интересующей меня темы «откуда берутся дети». С тех пор я и начала проводить в Ксертони несколько недель в год, чтобы лучше узнать Костю.

Прокручивая это воспоминание в голове, я мысленно повторяла про себя непривычное обращение «папа». Пробовала каждую букву, стараясь в подходящий момент поздороваться с Костей и как ни в чем не бывало выпалить дежурную фразу, надеясь сделать ему приятно. В конце концов, нам предстояло жить бок о бок как минимум до

новогодних каникул, и важно было начать с позитивной ноты: чем меньше поводов для разногласий, тем лучше.

Однако планы, насколько бы продуманными они ни были, редко срабатывают так, как мы бы того хотели. Когда поезд остановился на моей станции, перрон оказался ниже, чем я ожидала. Схватившись обеими руками за чемодан, я попыталась его приподнять и охнула от тяжести. Завалившись на бок, еле удержала равновесие, но спиной быстро нашла опору в виде ближайшей стены. Позади неожиданно скопилась толпа недовольных людей. Одни цокали языками, другие недовольно вздыхали, но никто не спешил помочь. Зеваки стояли и смотрели на мои отчаянные попытки спустить неподъемный для хрупкой девушки чемодан с милой фиолетовой лентой, завязанной бантом на ручке. Бессилие раздражало, уходящее время — еще больше. Некоторые незнакомцы оказались настолько нетерпеливы, что с силой протискивались на выход к двери, оставляя беспомощное создание позади, спеша дальше по своим делам. Я понятия не имела, через сколько минут вновь закроются двери и поезд отправится дальше. Пробовала обхватить свой багаж и так и эдак, но упрямый чемодан казался таким же неповоротливым, как и его обладательница. Непослушные пряди упали на лицо, закрывая обзор. От усилий лоб покрылся потом. Хотелось пнуть чертов чемодан и смотреть, как он полетит плашмя вниз. Я была уже готова отправить неподъемную ношу в полет, как послышался знакомый голос:

— Ася! Ася, брось! Я спущу.

Я разогнулась и увидела отца.

— Спасибо, Костя.

С момента нашей последней встречи он почти не изменился. Черная кожаная куртка подчеркивала широкие плечи, а белая водолазка облегла подтянутый торс. Не-

изменные, черные как смоль усы красовались ровной полоской над верхней губой. Сильный и проворный, отец легким движением спустил багаж на платформу, а затем подал мне руку. Я осторожно вложила ладонь, принимая помощь. Позади раздался смешок, от которого лицо обдало жаром. Костя выглядел достаточно молодо, несмотря на пробившуюся в висках седину. Довольно часто нас принимали за парочку влюбленных, а не за отца и дочь. Повезло мне с генофондом, ничего не скажешь. Я ненавидела косые взгляды, которыми нас одаривали на улице. Ужасно стыдилась. Поскорей бы мы доехали до Ксертони, где каждый прохожий знал отца в лицо и не думал чего-то не того.

Во всей этой ситуации Костя проявил исключительное благородство: не только широко улыбнулся ожидающим людям, а даже помог им спустить сумки, в то время как я, наверняка залившись краской, стояла рядом, изучая взглядом неровности асфальта. Отец был таким во всем.

Когда я решила обсудить с отцом перевод в ксертонскую гимназию, он, вопреки моим ожиданиям, очень обрадовался и предложил перебраться к нему на время обучения. Мне было трудно представить, что мужчина, столько лет носивший звание холостяка, будет готов принять дочь на неизвестно какой срок, ведь если со школой все пройдет хорошо, то впереди около шести лет в местном институте. Костя же, наоборот, принялся охотно хлопотать с документами и даже, насколько я знаю, ходить по старым знакомым, лишь бы достать для дочери место.

Ничто в Ксертони меня не интересовало больше, чем местный институт. Разнообразие факультетов и, судя по отзывам, неплохих учебных программ вселяло надежду. Я много и прилежно училась в школе, да и не имела никогда проблем с учителями. Проще говоря, характеристика

